

ОБРАЗЫ НА МНОГО ЛЕТ

Владимир Глушков — один из ведущих мастеров Казанского ТЮЗа, любимец детворы, хотя героев, которым хочется подражать, он не играл. Удел Глушкова — комические зверюшки сказок. Сколько их перепроиграно. И еще старики-отцы, незадачливые приятели, отменяющие по принципу контраста мужество и красоту главных героев. Словом, он — актер характерный, комедийный. Секрет его обаяния в том, что, когда стираются в памяти пыльные герои, образы Глушкова, даже спустя много лет, сохраняют свежесть и почти физическую осязаемость. Порой кажется, что актер повторяется: вот знакомая интонация, жест. Но это не штампы, а особенности индивидуальности таланта.

Вспоминается юркий и проворный паренек Белка из старого спектакля ТЮЗа «Шестеро любимых» по пьесе А. Арбузова. Стремительно и ярко — как метеор — проживал на сцене тогда еще совсем молодой Глушков. Белка успевал высмеять зло, вскрыть недостатки, влюбиться, прочитать новую книгу, выполнить сложнейшие физкультурные упражне-

ния, припрятать знамя, чтобы по справедливости оно было вручено на завтра победителям соревнования. В зрительном зале с появлением этого пареняка неизменно возникал добрый смех.

А вот сыгранный в те же пятидесятые годы Костя Курицын из «Чудесного славя» В. Киршона. Рассудительный, чуть заикающийся от волнения, в просторной белой толстовке, несколько раз перетянутой в талии шнурком, в широких брюках. Эта пьеса и «Шестеро любимых» близки по жанру, воспроизводят одну эпоху — начало тридцатых годов, посвящены молодежи. Но как не похожи Белка и Костя! Источник комедийности в пьесе Киршона был найден Глушковым в несовпадении серьезности, положительности действующего лица с явной негеройностью внешности Курнына — небольшого росточка, всегда опаздывающего тихого юноши. Пожалуй, не будет преувеличением утверждение, что на первый план в этом блестящем комедийном спектакле с прекрасными исполнителями выдвигался дуэт Глушков — Ригерт (Ян Дзали).

Случается, что Глушков «солирует» не в пользу спектакля, хотя и без умысла. Тут уж ничего не поделаешь — талант не скроешь. Искусство театра — эмоциональное, праздничное. Оно если и возражает порой буйству красок, мощи фантазии, то и не судит строго за впечатляющую актерскую импровизацию. В противном случае образцовыми считались бы скучные спектакли, где актеры знают свое место, дозируют юмор, «придерживают» влюбленность. Для детского театра это особенно недопустимо.

Идеально, когда страстность и яркость исполнения находят почву в четкой, логически обоснованной концепции режиссера и актера. Одна из таких работ Глушкова начала семидесятых годов — «идейный» жулик Золотуев в «Прощании в июне» А. Вампилова. Жизненно достоверный персонаж, в строгом соответствии с заданием драматурга и режиссера приобретает черты фантастического гротеска.

Глушкову в подобных ролях привольно. Он мастер сценической формы. Его облезлый, худосочный Золотуев живет одним: накопить громадное сос-

тояние, чтобы затем все продать до нитки и дать взятку, да такую, от которой его бывший враг-ревизор, а ныне совершенно безбидное для Золотуева лицо, не посмел бы отказаться. То есть герою Глушкова необходимо удостовериться, что его представления о жизни, в которой, якобы, нет честных людей, справедливы. С Глушковым на сцене воцаряется трагифарс. Актер безоговорочно следовал совету К. С. Станиславского: «Надо не только почувствовать и пережить человеческие страсти во всех их составных всеисчерпывающих элементах — надо еще сгустить их и сделать выявление их наиболее наглядным, неотразимым по выразительности, дерзким и смелым, граничащим с шаржем».

По существу, барон Мюнхгаузен, затурканный своей супругой Простаков, поручик в отставке Жевакин, Филлиберт в «Забавном случае», налетчик Блом в «Пеппи — Длинный чулок» — также решены Глушковым в жанре эксцентрической комедии, в манере сценического гротеска. Однако здесь юмор добрый, задача актера —

наделить смешными чертами известные по большой литературе образы.

Для самых маленьких зрителей актер часто появляется в облике животных и зверей. Своего рода классикой могут считаться ленивый, старый Барсук в «Домике-прянике» и очень необычный Кролик в спектакле «Винни-пух». В одной рецензии писали: «Едва появляется Кролик на сцене, как раздается дружный хохот, и улыбки так и не сходят с лиц, пока на сцене Владимир Глушков». Удивительное перевоплощение: глаза актера словно бы становятся кроличьими — в них и кротость, и трусливость, и жадность. Вкрадчивая походка, осторожные движения, лейтмотив образа — индивидуализм, нашедший весьма конкретные выражения у этого Кролика — любителя поест, притом в одиночку.

За тридцать лет работы на сцене народным артистом ТАССР Владимиром Глушковым сыграно много. Не одно поколение ребят выросло в общении с этим нестареющим мудрым талантом.

Р. ИГЛАМОВ.